

В начале второго месяца запасы дров в доме окончательно истощились.

Фан У и Ян Цюэ принялись собирать сухую сорную траву на своих полях, чтобы было чем растопить печь. Тао Цинъюй и Тао Синван, отложив на время пахоту, несколько дней подряд спозаранку уходили в горы. Домой они возвращались лишь с наступлением темноты, сгибаясь под тяжестью огромных вязанок хвороста.

Глядя на них, младшие дети тоже не сидели сложа руки: под присмотром Ян Цюэ они прочесывали окрестности, подбирая каждую сухую веточку. Общими усилиями за несколько дней удалось доверху заполнить все дровяники во дворе.

Цинъюй, пользуясь случаем, расставил в лесу ловушки в надежде на добычу, но удача отвернулась от него. Пять дней он возвращался с пустыми руками и в конце концов пришел к выводу, что зверье в этих краях — на редкость разборчивое и, видимо, падко на красивое лицо. Стоило Учителю Фану остаться дома, как ни один фазан не пожелал лезть в силки, да и ценных трав на пути больше не попадалось.

Свободного времени становилось всё меньше, и в горы было уже не выбраться. Заготовив дров сразу на пару месяцев вперед, Цинъюй и Тао Синван поспешили вернуться к плугу.

К середине месяца те жители деревни Баопин из семьи Цинь, у кого в хозяйстве были волы, уже закончили работу. Семья Тао, полагаясь лишь на собственные силы, всё еще возилась с последними двумя-тремя му земли.

После Чуньфэня пошли дожди. Мягкая влага напитала почву, пробуждая жизнь: леса наполнились птичьим щебетом, а межи и косогоры покрылись сочной молодой травой. Мелкий дождь, точно тончайший шелк, косо падал с небес.

Надев бамбуковые шляпы и накинув соломенные плащи, Цинъюй и Тао Синван продолжали пахать. Один тянул лямку впереди, другой упирался в плуг сзади. Ледяная вода обжигала ноги, но люди на поле обливались потом от непосильного труда.

— Старший брат, идем домой! — звонкий детский голос Цинцзя разнесся над залитыми водой террасами.

Цинъюй смахнул капли дождя с ресниц и поднял голову. Трое младших, сгрудившись под одним бумажным зонтом, с надеждой смотрели в его сторону.

— Сейчас, еще немного! — отозвался юноша.

Подготовка поля — это не только пахота, но и починка межей. Нужно было сгребать тяжелую

донную грязь к краям и плотно утрамбовывать её, расширяя насыпи, чтобы вода, необходимая для рассады, не вытекала из чеков. Это поле, расположенное в самой низине за домом, было самым большим и плодородным в их хозяйстве. Юноша с дядей бились над ним со вчерашнего дня, но не одолели и половины.

Дядя Синван, по пояс мокрый, точно старый вол, упорно тянул плуг вперед. Оба тяжело дышали, из груди вырывался хриплый стон. На них были самые старые, все в заплатках холщовые рубахи, подбитые камышом; одежда, перепачканная бурыми пятнами грязи, липла к телам.

Дойдя до края, где ждали дети, Цинъюй выпустил рукояти плуга и в изнеможении оперся о насыпь, не в силах даже разогнуть спину. Из-под шляпы выбились мокрые пряди волос. Внезапно он почувствовал, как чьи-то пальцы, белые и гладкие, точно резная яшма, коснулись его подбородка и осторожно приподняли его лицо.

Юноша встретился взглядом с пришедшим и невольно улыбнулся. Его веки от усталости отяжелели, а в голосе совсем не осталось сил:

— Фан Вэньли...

Тот молча достал платок и принялся бережно стирать капли грязи с его лица. Грязь уже успела подсохнуть и въелась в кожу, подчеркивая каждую её черточку. Очистив лицо гээра, Вэньли перехватил его под локоть, давая опору.

— Третий дядя.

— А! — Тао Синван выбрался из воды и присел на травянистую насыпь. Цинцзя тут же раскрыл над ним зонт, а двое младших принялись с обеих сторон разминать его затекшие плечи.

— Папа, попей, — протянул кружку Цинъя.

— Я вытру пот, — добавил Цинмяо.

— Хорошо, хорошо, — Синван довольно заулыбался, и усталость мгновенно отступила.

Вэньли повернулся к Цинъюю:

— Выйдешь на берег?

— Цинцзя, обедать пора? — спросил юноша.

— Нет, — отозвался младший брат, — просто Гэфу приехал, и старший дядя велел тебе возвращаться.

Циньюй посмотрел на Вэньли, который присел перед ним на одно колено, и шевельнул затекшими пальцами:

— Фан Вэньли, отпусти меня, я же весь в грязи.

— Угу.

Вэньли подхватил гээра под мышки и легко, словно ребенка, перенес его на сухую насыпь. Глаза Циньюя изумленно расширились, он замер, точно рыба, выброшенная на берег. Юноша неловко пошевел босыми ногами, на которых сквозь слой липкой грязи белела нежная кожа.

— Ты что творишь?!

Заметив, что все смотрят на них, Циньюй мгновенно покраснел. В его влажном взгляде читалось негодование. Поставив его на землю, Вэньли спокойно произнес:

— В доме пока дел нет, до обеда еще подождать придется.

— Зачем тогда ты меня вытащил? — Циньюй сердито поджал пальцы ног.

— Под руку попался.

Вэньли не отрывал взгляда от его ступней. Жирная грязь почти полностью скрывала подъем, а круглые пальцы покраснели от холода, но он не чувствовал ни капли брезгливости. Ступня была небольшой — отмой её, и она, верно, станет розово-белой. Учитель подумал, что легко смог бы обхватить её одной ладонью.

Циньюй никогда не придавал значения приличиям и не прятал босых ног, но под этим прямым, обжигающим взглядом он почувствовал себя так, словно его ужалила пчела. Кожу на ногах закололо, а в душе вскипела неловкость, смешанная с гневом.

— Фан Вэньли!

Учитель вздрогнул и медленно отвел глаза:

— Прости.

На миг он утратил контроль над собой. Заметив, что юноша снова собирается лезть в воду,

Вэньли перехватил его за руку.

— Ты куда?

— Пахать надо, — Циньюй сердито поджал пальцы, глядя на него.

Вэньли вложил ему в руку зонт:

— Отдохни немного.

— Да какой отдых, мне...

Юноша замер в недоумении, когда Вэньли снял верхний халат, всучил его ему, а сам, закатав штанины и рукава, шагнул прямо в мутную жижу.

— Ты!

— Держи, — бросил Вэньли. — Иди в дом отдыхай, я сам закончу.

Циньюй ошеломленно прижал к себе чужой халат. А учитель тем временем уже уверенно стоял в вязкой грязи.

— Зачем ты полез?! Ты же и плуга в руках не держал!

— Третий дядя, позвольте мне попробовать.

Тао Синван от удивления даже воспрял духом. Он тоже спустился в воду и весело пробасил:

— Ты не смотри, что с виду это просто. Тут главное — устоять и в трясине не завязнуть.

Дядя был человеком простым и бесхитростным: раз вызвался — значит, пусть работает. Так они вдвоем, ведя плуг, и начали медленно удаляться к другому краю поля.

Циньюй застыл, глядя в спину Фан Вэньли, который о чем-то оживленно переговаривался с дядей. В груди у юноши что-то сладко защемило. Он часто заморгал и поспешно отвел глаза.

— Цинцзя, держи крепче!

Младший брат принял халат Вэньли и расплылся в улыбке:

— Старший брат, Гэфу просто замечательный.

Сердце Цинъюя колотилось так сильно, что в ушах стоял гул. Он никак не мог унять этот трепет и лишь сухо бросил:

— И ты уже его признал?

— Давно признал, — Цинцзя слегка покраснел.

Цинъюя ухватил старшего брата за край одежды:

— Так ты пойдешь домой?

— Пойду. Негоже чужую доброту впустую тратить.

Оставшись на поле, Вэньли проводил гээра взглядом, и морщинка между его бровей разгладилась. В крестьянских семьях тяжелую работу старались не перекладывать на плечи женщин и гээров. Пока юноша молод, он не чувствует усталости, но кто знает, как этот труд отзовется спустя годы? Когда Вэньли спускался с косогора и увидел Цинъюя по колено в грязи, ему захотелось немедленно подхватить его на руки и унести домой. Он просто не мог видеть, как тот страдает.

***

Фан У сидел у порога кухни и перебирал зелень. Заметив детей, он вытянул шею, высматривая Цунлю.

— Почему только вы вернулись? А где же Цунлю?

— Пашет, — коротко бросил Цинъюй.

— Что он делает?!

— Поле пашет! — громче повторил юноша.

— Пашет поле?!

— Юй-гээр, да как же ты... ох!

Видя, что Младший папочка от испуга теряет дар речи, Цинъюй вздохнул:

— Я и глазом моргнуть не успел, как он в воду прыгнул.

— Да какой из него пахарь, он же учитель в академии! — Фан У встревоженно вскочил. — Нет, нужно пойти посмотреть.

— Папочка!

— Ты иди скорее переоденься, вымой ноги и обуйся! — на полпути он обернулся и строго добавил: — Надень тот свой красный наряд.

Цинъюю ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Ян Цюэ уже спешил к нему с горячей водой:

— Иди в дом, согрейся сначала.

Дома юношу окружили заботой: вымыли, причесали, помогли переодеться. Ян Цюэ, пока готовился обед, даже успел заплести ему несколько косичек. Едва Цинъюю, нарядный и свежий, вышел из комнаты, как во дворе показались Вэньли и Третий дядя.

Они о чем-то весело беседовали, и Младший папочка Фан вместе с дядей Синваном смотрели на Фан Вэньли с таким восторгом, точно тот был им родным сыном.

— Скорее, иди приведи себя в порядок, — улыбнулся Младший папочка, и морщинки у его глаз стали еще глубже. Заметив Цинъюю, стоявшего под навесом, он нахмурился: — Чего замер? Подал бы гостю воды!

Юноша лишь недовольно поджал губы. Фан Вэньли, завидев его в ярком наряде, замер — в глазах его вспыхнул живой интерес. Гээр и впрямь был чудо как хорош: пусть кожа его немного потемнела на солнце, но статная фигура и решительный взгляд делали его еще более привлекательным.

Пока Вэньли умывался, Фан У велел Цинъюю отыскать для него чистую одежду. Когда учитель закончил, юноша присел рядом на скамью и принялся искоса его разглядывать.

— Ну как? — с мягкой улыбкой спросил Вэньли.

— Красиво.

Вэньли нежно улыбнулся.

— Угу.

В зале они остались одни, не считая детей, грызших фрукты в углу.

— С чего это ты вдруг решил приехать? — спросил Цинъюй.

— Свадебные дары привез.

Юноша мгновенно выпрямился:

— Дары?

— Угу. И хотел повидать тебя.

Услышав это, Цинъюй почувствовал, как кончики ушей предательски заалели. Он отвел взгляд и невольно потянулся — спина после работы нещадно ныла.

— Ты один приехал?

— С наставником и его женой.

— У тебя сегодня выходной?

— Да, жаль только, что всего на один день, — в голосе Вэньли слышалось сожаление, но в глазах плясали смешинки.

Цинъюй подумал, что в последнее время речи Учителя Фана стали какими-то тягучими. Юноша от усталости щурил свои ясные глаза.

— Если жаль, то почему ты улыбаешься?

— Счастливый день уже назначен.

Сердце Цинъюя пропустило удар. Стараясь не выдать волнения, он спросил, глядя в сторону:

— И когда же?

— Десятого числа пятого месяца.

— А, ясно, — болванчиком закивал юноша, еще не до конца осознав масштаб перемен.

Вэньли придвинулся ближе и коснулся пальцами косички, перевязанной алой нитью.

— Было несколько дат на выбор, я выбрал самую раннюю.

— А остальные?

Учитель прищурился, в глубине его зрачков почудилось что-то темное.

— Все они в пятом месяце. Какая разница — днем раньше или днем позже?

Цинъюй высвободил прядь из его пальцев, к нему наконец вернулась ясность мысли. Он подозрительно прищурился:

— А не было ли так, что мой папочка хотел выбрать дату попозже, но ты приложил к этому руку?

— Сяо Юй, ты на редкость проникателен, — честно признался Вэньли.

— Лис, — фыркнул юноша.

Он невольно прикусил губу — внутри всё сжалось от странного напряжения. Вэньли негромко рассмеялся:

— Не бойся.

— Кто боится?!

Учитель ласково погладил его по голове, точно умиряя строптивного зверька:

— Вот и славно.

Цинъюй сглотнул. На самом деле ему было немного не по себе.

— Юй-гээр! Накрывай на стол!

— Иду! — юноша сорвался с места, бросив Вэньли одного.

Тот лишь тихо рассмеялся и обернулся к детям.

— Подойдите ко мне.

Трое малышей несмело встали перед ним. Вэньли достал из привезенного узла несколько книг. Каждому вручил по одной, а остальные передал Цинцзя.

— Берегите их.

Цинцзя прижал книги к груди, растерянно глядя на учителя.

— Не хочешь? — спросил Вэньли.

— Хочу! — Но книги ведь такие дорогие, он не мог сам принять решение. Мальчик оглянулся в поисках помощи взрослых, но зал был пуст.

— Хочешь — бери, это подарок.

Цинцзя решительно кивнул:

— Спасибо, Гэфу!

— Спасибо, Гэфу! — эхом отозвались младшие.

Тао Синлун, входивший в зал, опираясь на костыль, замер на пороге. Глядя на счастливое и робкое лицо сына, он почувствовал, как щемит сердце. Они с женой всегда корили себя за то, что не могут дать детям образования. Увидев книги в руках сына, Второй дядя с облегчением кивнул.

Хорошего мужа нашел Сяо Юй, ох какого хорошего.

— По этим книгам я сам когда-то учился. Там есть мои пометки, разбирай их понемногу. Если что будет непонятно — спросишь, когда я приеду в следующий раз.

Цинцзя не мог оторвать взгляда от подарка. Книги были легкими, но казалось, что он держит в руках всё самое ценное на свете.

— Спасибо, Гэфу, — еще раз торжественно произнес он.

Вэньли сдержанно кивнул:

— Идите, приберите их.

Дети, точно хомячки, уносящие зерно в норку, радостно поспешили в свою комнату. Едва они скрылись, в зал вошел Цинъюй с посудой. Заметив сияющие лица братьев и довольного дядю, он хмыкнул.

— Учитель Фан, а вы мастер обольщения! — шепнул он на ухо Вэньли.

Тот лишь невинно улыбнулся — само воплощение благородства.

— Ну-ну...

***

Обед прошел в шумной и радостной обстановке. Цинъюй уже перестал считать, сколько раз за столом прозвучала похвала в адрес Фан Вэньли. Юноша молча уплетал еду, принимая куски, которые учитель то и дело подкладывал ему в миску.

После трапезы никто не пошел отдыхать. Третий дядя снова взвалил на плечи плуг, и Цинъюй, переодевшись в рабочее, поспешил за ним. Но не успел он сделать и пары шагов, как Вэньли придержал его за руку.

— Я пойду.

— А как же уроки завтра?

— Проведу, не беспокойся.

Цинъюй похлопал его по плечу — рука у учителя оказалась на удивление крепкой.

— К такой работе нужно привыкнуть, завтра с непривычки и с кровати не встанешь.

— Знаю.

Вэньли уверенным шагом направился к полю, а Цинъюй семенил следом.

— Да брось ты, Младший папочка узнает — мне несдобровать. Ты же гость, как можно...

Вэньли внезапно остановился. Юноша с разбегу врезался ему в спину.

— Ох!

— Осторожнее, — Вэньли перехватил ладони и принялся осторожно растирать покрасневший лоб юноши.

Руки учителя были холеными, кожа — нежной, лишь на пальцах виднелись мозоли от кисти. Тепло его ладоней разливалось по коже, точно от нагретой солнцем яшмы. Заметив, что юноша замер, Вэньли спросил:

— Так что ты говорил?

Цинъюй, не сводя взгляда с лица учителя, одеревенел и выпалил:

— Говорю, ты — гость, и если я заставлю тебя работать, Младший папочка меня отругает.

Вэньли убрал руку. Цинъюй только собрался облегченно вздохнуть, как учитель легонько щелкнул его по лбу.

— Больно же! — возмутился юноша.

Вэньли пристально посмотрел ему в глаза:

— Я здесь не гость.

— Всё, возвращайся в дом.

С этими словами он зашагал прочь — статный, уверенный, точно шел не на пашню, а на прогулку. Цинъюй остался стоять на месте, переваривая услышанное.

«Что значит — не гость? — Тао Цинъюй стоял на месте, переваривая услышанное. — Неужели он уже считает себя членом семьи?»

«А как же наша сделка?»

Дождь к полудню стих, и небо прояснилось. Сквозь тучи пробились золотистые лучи, заливая мир ярким светом. Подул ласковый ветерок, колыша примятую траву на межах. Запах влажной земли смешивался с ароматом первоцветов, наполняя всё селение.

Цинъюй вернулся домой, наполнил кувшин подсоленной водой и снова пошел к полю. Присев на берегу, он засмотрелся на работающих. Стоило ему закатать штанины и приготовиться спуститься в воду, как взгляд учителя, проходившего мимо с плугом, мгновенно потяжелел.

Цинъюю даже не пришлось ничего говорить — он сам покорно убрал ноги.

— Ты устал? Давай я тебя подменю.

— Не устал. Не надо.

Лоб Вэньли блестел от пота, влажные пряди волос прилипли к вискам. На фоне бледной, почти прозрачной кожи губы казались пугающе яркими, точно у горного лиса-оборотня. Цинъюй поспешно отвел глаза — внутри стало невыносимо жарко.

Он принялся машинально рвать траву подле себя, ворча под нос:

— Видали, уже командует...

«С какой стати?! Мы же почти не знакомы!»

Юноша решительно вскинул голову и принялся снимать обувь. Но едва его подошва коснулась ледяной воды, как он замер от неожиданности. Вэньли перехватил его за ступню и слегка сжал её. Кожа у учителя была теплой и удивительно приятной на ощупь.

— Решил не слушаться?

— Ты... ты... отпусти сейчас же!

— Не отпущу.

Цинъюй пришлось балансировать на одной ноге, вцепившись в плечо Вэньли, чтобы не рухнуть в грязь. Третий дядя, заметив это, поспешно отвернулся, пряча улыбку.

— Ты хоть знаешь, что гээра за ноги трогать нельзя?! — прошипел юноша на ухо учителю.

Тот лишь лукаво улыбнулся:

— Но ведь ты — мой суженый фулан.

— Еще только суженый!

Вэньли прищурился, его большой палец медленно скользнул по чистому подъему стопы, оставляя грязный след.

— Значит, когда поженимся — будет можно?

— Да ты... ты просто демон во плоти! Развратник!

Вэньли негромко рассмеялся:

— Будь паинькой, не лезь в воду.

Он разжал пальцы, и Цинъюй поспешно отпрянул. Потеряв равновесие, он снова вынужден был ухватиться за одежду Вэньли. Едва обретя опору, юноша в мгновение ока обулся и, бросив на учителя гневный взгляд, пулей умчался прочь.

Вэньли посмотрел на свою ладонь и медленно потер пальцы друг о друга. На его губах заиграла странная улыбка. В этот миг в его взгляде промелькнуло нечто пугающее и властное — темная, всепоглощающая страсть, жар которой мог испепелить на месте.

***

Время пролетело незаметно, солнце начало клониться к закату. В доме позвали к ужину, и Вэньли вместе с дядей Синваном вернулись с поля. Умывшись и переодевшись в свое платье, учитель огляделся, но гэра нигде не было видно. «Видно, сильно я его напугал», — подумал он.

Однако к ужину Цинъюй всё же вышел. Стоило Вэньли поздороваться с ним, как юноша демонстративно отвернулся. Улыбка учителя стала еще мягче, но Цинъюю от неё стало не по себе — по спине пробежал холодок.

За столом юношу снова усадили рядом с Вэньли. Цинъюй быстро справился со своей порцией и уже собирался улизнуть, как почувствовал, что кто-то осторожно тянет его за рукав.

«Опять за старое!»

Юноша взял себя в руки и с напускным спокойствием спросил:

— Что еще?

— Ничего особенного. Позже поговорю с тобой.

Пальцы Вэньли разжались, и Цинъюй тут же скрылся в своей комнате.

Спустя время, когда сумерки сгустились, во дворе послышался стук копыт — приехал А Сю. Вэньли поднялся, чтобы попрощаться с хозяевами, и Младший папочка Фан вытолкнул сына проводить гостя.

Небо было расцвечено яркими красками заката, легкий ветерок играл выбившимися прядями волос Вэньли. Цинъюй видел, что учитель уже подошел к повозке, и, не удержавшись, схватил его за прядь длинных волос. Слегка потянув, он заставил Вэньли обернуться.

— Ты говорил, у тебя дело есть.

— Ах да, — отозвался Вэньли. — Чуть не забыл.

Цинъюй разжал руку.

«Так я тебе и поверил, "забыл" он... Нарочно небось помалкивал».

— В вашем пруду пора заводить рыбу, не так ли?

Цинъюй кивнул.

— Чжу-гээр говорил, что ты собираешься в соседний уезд за мальками.

— Да.

Юноша уже догадывался, к чему клонит учитель.

— Я поеду с тобой.

Цинъюй помедлил, но всё же согласился:

— Хорошо. Во второй месяц, в твой первый выходной, в семь утра я буду ждать тебя.

Вэньли был удивлен такой легкой победе, но виду не подал. Его рука нежно коснулась волос юноши.

— Буду ждать. Ну, я поехал.

Ресницы Цинъюя вздрогнули. Его уши вспыхнули алым, точно закатное небо. Кажется... он был совсем не против.

Проводив повозку взглядом, юноша вернулся в дом. Едва закрыв дверь, он привалился к ней спиной и замер, погруженный в свои мысли.

— Чего застыл? — окликнул его Фан У. — Живо умываться и спать!

Цинъюй очнулся:

— Иду я, иду.

Он неловко потер грудь, пытаясь унять странное волнение. Сделав глубокий вдох, юноша отправился спать.

***

На следующий день

Переулок Цзиньфу

Луна уже клонилась к горизонту, звезды меркли. В предрассветных сумерках в кухне дома семьи Фан зажегся огонек свечи.

Вэньли открыл глаза в темноте. Попытавшись шевельнуться, он вдруг замер. В дверь тихо постучали, и послышался зевок А Сю:

— Господин, пора завтракать.

— Понял.

Вэньли медленно сел на постели и не спеша оделся. Когда он отворил дверь, А Сю уже ждал его с тазом горячей воды.

— Господин сегодня едва не проспал.

— Угу, ступай.

А Сю не заметил ничего странного и лишь кивнул:

— Завтрак в печи, не остынет.

Едва за слугой закрылась дверь, Вэньли опустил руки в воду. Приятное тепло коснулось кожи, и он негромко вздохнул. Подняв ладони, он безучастно разглядывал несколько лопнувших кровавых мозолей.

«У Сяо Юя руки в мозолях... Наверное, они появлялись снова и снова, заменяя такие вот кровавые пузыри. Боль от них, должно быть, пронзает до самого сердца»

Приведя себя в порядок и наскоро позавтракав, Вэньли отправился в Академию Сюаньтун, что на горе Фэн.

Подъем в гору был для него делом привычным, но сегодня он едва не опоздал к началу занятий. Ученики уже заняли свои места в зале. Вэньли перевел дыхание и, оправив одежду, вошел.

— Учитель! — студенты дружно поднялись, приветствуя его поклоном.

Вэньли ответил на приветствие, но рука его на миг дрогнула, едва не подведя хозяина. Сидевший в первом ряду Гу Гуаньмин обеспоенно спросил:

— Учитель, вы не ранены?

Лицо Вэньли осталось холодным и бесстрастным, как и всегда.

— Всё в порядке.

Он никогда не позволял себе смешивать личное с делами академии и пресекал любые попытки заглянуть в его частную жизнь. Гу Гуаньмин был связан с семьей уездного начальника, и Вэньли помнил, как тот пытался сосватать его дочери Чжао. На первый раз он решил не придавать этому значения, но если подобное повторится — такому ученику не место в его классе.

Учитель окинул строгим взглядом притихших студентов. Заметив, что те боятся поднять глаза, он сразу перешел к делу:

— Давайте обсудим тему сочинения, которую я задал вам в прошлый раз.

— Кто начнет?

<http://bllate.org/book/15858/1500747>